

Владимир Янковский

*Пули для
прокурора*

Продолжение жесткого детектива

Владимир Янковский

**Пули для прокурора.
Продолжение жесткого детектива**

«Издательские решения»

Янковский В.

Пули для прокурора. Продолжение жесткого детектива /
В. Янковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832398-0

Новая повесть — логическое продолжение истории, рассказанной в предыдущей книге «Замуж по заданию». Героиня обеих повестей Надежда Фомина, вернувшись после завершения очередного расследования из США в родной губернский город С., волею судьбы фактически становится свидетелем убийства прокурора Виктории Громовой. Делом профессиональной чести частного детектива становится поиск убийц, не побоявшихся уничтожить старшего советника юстиции.

ISBN 978-5-44-832398-0

© Янковский В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. За что убили саратовского прокурора?	6
Ремарка автора	7
Глава первая. Разговоры по душам	8
Глава вторая. Выстрелы на рассвете	15
Глава третья. Разброд и шатанье	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пули для прокурора
Продолжение жесткого детектива
Владимир Янковский

© Владимир Янковский, 2016

ISBN 978-5-4483-2398-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. За что убили саратовского прокурора?

Саратов. Темный февральский вечер. Он шел домой. Без охраны. Без опасений. Это было древнее, но четкое правило игры – пока он при своей должности, его не тронут. Его охраняет Система Всея Руси, для которой личная безопасность преданных ей исполнителей не только дело принципа, но и самосохранения.

«Не убий прокурора» – этот негласный всероссийский закон не осмеливались нарушить даже самые «отмороженные» уголовники...

Но убили прокурора Саратовской области Евгения Григорьева как-то буднично и просто. У подъезда его дома в него вогнали две пули (стреляли из пистолета с глушителем). И уже первая оказалась смертельной...

Киллеры сработали профессионально. После умелой слежки, которую не заметили ни Григорьев (а он таких «охотников» в 90-е лично отправлял за решетку оптом), ни местные спецслужбы (они обязаны присматривать за безопасностью высоких областных чинов), преступники выбрали самое удобное, хотя и банальное для покушения время и место. Вечер, у подъезда. Но убивали почему-то без масок (с помощью свидетелей даже удалось составить фоторобот). Сначала это было похоже на странную небрежность – будто убивали не прокурора, а банального директора рынка...

«Видать, честный был прокурор», – рассудила на интернет-кухнях страна.

Правда, по народной нехитрой логике получалось, что покойный Григорьев в отличие от остальных 82 поныне здравствующих (дай им Бог здоровья!) областных прокуроров России совершил какую-то страшную, «системную» «ошибку». Такую, что его не смог защитить даже прокурорский мундир.

Но, не заикливаясь на простецкой версии, о которой настойчиво говорит весь Саратов, дескать, «не взял, а за это наверху не прощают», мы попробовали на месте понять: где же все-таки «ошибся» честный саратовский прокурор Григорьев...

Комсомольская правда. 2008. 11.03.

Ремарка автора

Эту историю мне рассказала племянница, Надежда Фомина, уже знакомая вам по предыдущей книге «Замуж по заданию». Семья собралась в полном составе по случаю пятнадцатилетия бракосочетания Надежды... В конце вечеринки Надя, сидя возле меня с бокалом минеральной воды, задумчиво произнесла, наблюдая за играющим на компьютере своим сыном-подростком:

– А ведь свадьба наверняка бы не состоялась, не убей киллер в январе 2001 года прокурора...

– Но ведь саратовского облпрокурора убили в феврале 2008-го? – удивленно посмотрел я на племянницу.

– Этот случай всей стране известен, конечно. Впрочем, об убийстве нашего прокурора писали и в 2001-м достаточно много... Рассказать? – племянница заинтриговала меня.

Её многочасовой рассказ я изложил своими словами.

Автор.

Глава первая. Разговоры по душам

Вам никогда не приходилось возвращаться не просто домой, а на Родину после долгого отсутствия? Тогда вам не знакомо то щемящее чувство, почти непередаваемое словами, состояние, как в детстве говорили, – «под ложечкой сосет» – так тревожно-волнительно было всегда: когда первый раз получила пятерку во втором классе, научилась плавать в третьем, в седьмом впервые целовалась с соседом по парте рыжим Антошкой Пырьевым – мы тогда остались дежурить в кабинете математики, а учительница ушла на совещание. Я вытирала доску, а одноклассник решительно подошел ко мне и, совершенно неожиданно для меня, чмокнул в шею. Замерев от волнения, повернулась к вмиг покрасневшему Антошке, залепила грязной тряпкой ему по лицу, а потом вдруг притянула к себе и первая поцеловала в губы.

Такой восторженно-эмоциональный подъем случился пять лет спустя, на первом курсе юрфака. Мне никак не давался английский, нашей суровой Изабелле Юрьевне или по-студенчески просто Белке надо было каждую неделю сдавать эти проклятые «тысячи» – так преподаватели называли определенное количество знаков, необходимых к переводу на очередное занятие. Главным спецом по английскому в группе считался Алешка Тарасов, закончивший специализированную «английскую» школу. Не скрою, Тарасик мне очень нравился, и перед сессией я напросилась к нему домой на совместный перевод. Алешкиных родителей дома в тот вечер не было – они, заядлые театралы, отправились на очередную премьеру в драматический театр.

Заниматься мы уселись рядышком в комнате Тарасова-младшего, за огромным письменным столом. Учебники, словари и тетрадки спокойно разместились на его полированной поверхности. Но расстояние между двумя тумбочками было слишком узко для двоих: наши ноги невольно соприкасались, не говоря уже об уткнувшихся друг в друга плечах. Всякий раз, объясняя мне русский перевод того или иного слова, Алешка поворачивался ко мне головой, на своих щеках я ощущала его теплое трепетное дыхание. В конце концов случилось то, что неизбежно происходит в жизни каждой девушки: через полчаса мы начали целоваться до синевы губ, а потом совсем потеряли рассудок...

Словно в тумане помню Алешкины дрожащие пальцы, неловко расстегивающие пуговицы моего платья, потом гладящие мои плечи, спину, бедра, жаркие губы, прильнувшие к моей груди, в том миг у меня и «засосало под ложечкой» – и первое, к моему счастью, осторожное и нежное слияние в одно целое с мужчиной. Как безумно хорошо нам обоим было тогда!

В последующей, уже взрослой жизни, такое неопишемое по радости состояние случилось все реже и реже – вручение долгожданного университетского диплома, редкие встречи с любимым отцом, жившим далеко от меня, в Москве, – они с мамой развелись, когда мне было всего три года, и отца по-настоящему я узнала только в пятнадцать лет. Но на смену щемящей и звонкой радости косяком шли суровые и отнюдь не праздничные ощущения: ужаса – когда впервые вместо мишени мне пришлось стрелять в живого человека. Я знала: это бандит, он не должен уйти, целилась долго и тщательно, но каких трудов мне стоило нажать на спусковой курок! Животного страха – тогда одна и без оружия я оказалась против троих здоровых мужиков в темном подъезде чужого дома. Безднадежности – дело вроде бы выиграно, но радости от громкой победы нет.

В таком неопределенном состоянии безднадежности спустя в общей сложности полгода я возвращалась на родину из Соединенных Штатов. Поставлена окончательная точка в моем последнем деле. Американская Фемида, в отличие от российской, беспощадна. Питер Кинг и Стив Бинг, мои американские противники, чье участие в убийстве двадцатилетней российской девушки Лизы Синицыной мной было доказано, в конце концов оказались на электриче-

ском стуле – тогдашний губернатор Техаса, а ныне американский президент, не стал портить свой имидж твердого политика и не помиловал убийц из Далласа.

Зло наказано, справедливость восторжествовала?! Но Лизы ведь не вернуть?! Не Пиррова ли эта победа? Помните, великий карфагенский полководец одерживал победы над набравшими силу римлянами ценой огромных жертв. Вот и я пожертвовала для этой победы самым дорогим для любой женщины. Ради дела я пошла под венец. Первый раз в жизни. Никогда не думала, что выйду замуж за иностранца, тем более, преступника. Нет, не так я представляла замужество и свадьбу. Мне думалось, что приедет за мной принц на «шестисотом» мерседесе, ресторан будет ломиться от гостей, а танцы не прекратятся даже с наступлением рассвета.

Свадьбы как таковой не было, по крайней мере, здесь, в России. Правда, надо отдать должное, свадебное путешествие состоялось – на крупнейшем в мире пассажирском лайнере «Карибский путешественник» мы с Питером Кингом объехали практически весь Карибский бассейн. Но счастья не было. Разве может приносить радость жизнь с человеком, которого мне надо, выражаясь по-русски, засадить в каталажку?!

А теперь, после завершения всей операции, кто я такая? Миссис Надежда Кинг, вдова американского преступника?! Добрые друзья из ФБР уговорили меня не аннулировать брак с Кингом – на его счетах остались немалые суммы, решения суда о конфискации нет, так что я единственная наследница крупного состояния. Вдова, вдова... Нет, в Штатах мне не хватало общения. Вернусь домой, надо будет обязательно пооткровенничать с кем-нибудь из подруг, обсудить сложившуюся ситуацию.

Подумала так и ужаснулась. Разве у меня есть закадычная подруга? К которой можно прийти в любой момент, выкурить пачку сигарет, выпить бутылку хорошего марочного коньяка и говорить, говорить до рассвета. Счастье – это когда тебя понимают, так, кажется, написал один юный десятиклассник в культовом фильме шестидесятых годов «Доживем до понедельника». А кто меня понимает? Школьная подруга Галка Ежова выскочила замуж за танкиста и тянет лямку офицерской жены в гарнизоне где-то на Дальнем Востоке. Университетская – Лариса Овсянникова – живет со своим мужем-прокурором за триста километров от нашего города в самом захолустном райцентре области. Вот и все наличные друзья на сегодняшний день. Есть, конечно, и ближайшие родственники – кузен Слава Медведев и его жена Маша. Они всегда помогали мне в моих расследованиях. Но сейчас мне нужен совет старшего друга.

Мама, милая мама, есть и она у меня. Но с нас натянутые отношения почти десять лет, после того, как я впервые увиделась с отцом и волей-неволей осудила маму за ее развод с ним. Она мне не советчица. Бабуля? Она лучше всех из родственников понимает меня, именно к ней я привела Питера Кинга и представила как будущего мужа. Но в силу уже достаточно приличного возраста и склада ее собственной семейной жизни бабуля не сможет сейчас войти в мое положение. Начнет охать, ахать, разводить руками, – а мне нужен дельный совет.

Нет, в подробностях рассказать о своих американских приключениях, излить душу, спросить, что делать дальше я могу, пожалуй, только одному человеку – Виктории Васильевне Громовой. С прокурором Дзержинского района я подружилась более года назад, расследуя дело, получившее у меня кодовое название «Муж на час». Может ли прокурор, полковник юстиции сорока с лишним лет, имеющая взрослую дочь-адвоката и внука теперь уже шестилетнего возраста, любить и быть любимой? Как оказалось, может. Вместе с ней мы выручали от верной тюрьмы на пятнадцать лет моего соседа Евгения Николаевича Баева, мужчину по вызову, в которого до безумия влюбилась «железная леди». Не скрою, мне было легко работать тогда бок о бок с Викторией Васильевной. Настоящих убийц и заказчиков смерти Ларисы Васильевны Галкиной мы нашли относительно быстро. Баев от тюрьмы был спасен.

С тех пор я и потянулась к Виктории Васильевне. Годящаяся мне в матери – ее Иринка всего на год младше меня, Вика не отказывала в помощи в трудную минуту – с ее помощью я

подошла к разгадке еще одного дела – «Аноним против всех», словом, на поддержку Громовой я могла рассчитывать всегда...

Такие мысли приходили мне в голову на борту «Боинга» американской авиакомпании «Дельта», выполнявшего рейс Нью-Йорк – Москва. Самолет заходил на посадку в аэропорту «Шереметьево». Вот когда меня охватило хорошо знакомое с детства щемящее чувство. Родина! Дома... Слава тебе, Господи! Нет, теперь я понимаю писателей, оказавшихся на чужбине после революции, замученных ностальгией... Конечно, до дома добираться еще несколько часов, наш город в восьмистах пятидесяти километрах от Москвы, я как раз успеваю на вечерний рейс в губернский С., но это уже Родина. Пусть бедная, разоренная, несчастная, с миллионами проблем, которые не понять в сытой и рациональной Америке, но это моя страна и вне ее я себя не мыслю.

В аэропорту моего города я очутилась уже морозным январским вечером. Нет, уставшая, потная, после почти суточного перелета, к Громовой явиться я не могла. Лишь позвонила, чтобы договориться о завтрашней встрече. По тону чувствовалось, что прокурор рада моему звонку:

– Надюша?! Наконец-то ты отыскалась! Когда прилетела? Только что? Ладно, сутки тебе на отсыпание, а завтра вечером к нам с Иришкой. Завтра ведь пятница? Так что с ночевкой, на весь уикенд. Ириша приготовит чего-нибудь вкусенького, посидим, поokaем. Ты, кстати, у нас еще ни разу не была, с тех пор, как мы с дочкой объединились. Да, теперь четырехкомнатная. В том же доме, где и раньше жила, только подъезд другой. Записывай номер квартиры...

Вечером следующего дня я подъехала к старой «сталинской» четырехэтажке на Советской улице. «Дом художников» – значилось на фронтоном верхнего этажа. В конце сороковых годов прошлого века власти распорядились построить специальный дом для членов Союза художников СССР, проживавших в нашем городе, – шла очередная компания заботы партии и правительства о творческой интеллигенции. Трехкомнатную квартиру в нем получил и Василий Громов с семьей – отец Викторией Васильевны, известный в то далекое советское время художник-соцреалист. Так что Вика провела в этом доме всю свою жизнь, от самого рождения.

Так, подъезд с железной дверью и кодовым замком. Хорошо, что код мне прокурор сообщила. Набираю 460, дверь распаивается, я без препятствий прохожу на второй, самый престижный этаж. Квартира 24. В ответ на звонок звучит грозный лай Графа – пятнистого королевского дога, любимца хозяек и незаменимого их стража. Стальная дверь распаивается, на пороге сама Викторией Васильевна с распростертыми объятиями:

– Заходи, заходи, американская жена!

– Иронизируешь, подруга?! – мы хохочем, обнимаемся, я прохожу в коридор. Навстречу с большим плюшевым мишкой в руках бежит шестилетний Антошка. Получив свою заветную шоколадку, он исчезает в детской. Мы же проходим по всей квартире, которую с гордостью показывает прокурор.

– Жируете?! – шучу я. – Каждому по отдельной комнате? Небось, взятки берешь?

– Откуда иначе деньги взять было? – пожимает плечами прокурор. – У нас же нет американского дядюшки.

– Мама, ты не боишься, что Надя слова о взятках воспримет в прямом смысле? – улыбается появившаяся с подносом дымящихся кур Ирина.

– Да пусть воспринимает, мне-то что, один на один брала! – хохочет прокурор, жестом приглашая меня за стол. – Давайте-ка за новый год, новый век да еще новое тысячелетие выпьем, мы с Надеей первый раз встречаемся в новых временных рамках! – предлагает хозяйка.

Мы звонко чокаемся просторными фужерами, на дне которых плещется любимый Викторией Васильевной сорт молдавского коньяка – «Белый аист»: это я в Штатах узнала, что коньяк настоящие ценители пьют из фужеров, а не маленьких рюмочек, как было принято у нас в России долгие годы.

– Я несколько раз звонила тебе – никто не берет трубку. Спросила у Марины, не видишь ли соседку? – не видит. Что за черт? Встревожилась: не случилось ли чего? Позвонила тогда Алексею Писареву, помнишь, журналист наш? Думаю, этот пройдоха все знать должен. И точно, Алешка мне и выдал сенсацию: госпожа Фомина более не занимается частным сыском, она у нас американская дамочка, к ней теперь и на хромоу козу не подъехать. Ты, выходит, ради дела и под венец пошла?! – удивляется Виктория Васильевна.

– Я бы никогда на такое не решилась! – озабоченно произносит Ирина.

– Поэтому ты адвокат, а Надя – сыщик, – улыбаясь, втолковывает дочке простые истины мать.

– Мне просто жалко стало тех наших девчонок, которые, как мотыльки на огонь, летят на заграничных женихов. Вот объявление в сегодняшней «Комсомолке»: «I am american male interested in marriage to a beautiful blonde russian, Baltic and or eastern european girl between 17—23 ages. If you have no money for transportation to the USA, do not worry, i will pay for it. If you are interested please write me: Mr. S. Hermunth RR 2 Box 2325 Palestine Texas 75801 USA». В литературном переводе это что-то вроде: «Американец с целью вступления в брак познакомится с красивой блондинкой русской, прибалтийской или другой европейской национальности в возрасте от 17 до 23 лет. Если у вас нет денег на перелет в США, не волнуйтесь, я помогу с деньгами для этого. Если это вас заинтересует, пожалуйста, пишите мне по адресу...» Адрес, кстати, тexasский, меня прямо в дрожь берет от подобных совпадений после всех тexasских приключений...

– Давай выпьем за твою храбрость! – перебила меня Громова-старшая, наливая на дно фужеров золотистую жидкость.

Мы пьем, смачно, по-русски, закусываем, я рассказываю девчонкам свои американские похождения. Они, профессионалы, не охали и не ахали, лишь иногда прерывали вполне деловыми вопросами: считаются ли в американском суде доказательствами пленки с записью подслушанных разговоров, какие новинки спецтехники появились у коллег из ФБР, хохотали над описанием убийного действия «Лжетампакса», гильотинирующего определенную часть мужского достоинства при попытке к изнасилованию.

Иринка часов в одиннадцать вечера не выдержала, ушла к себе отдыхать, а мы с Викой, перейдя на кухню, еще долго сидели, потягивая сигареты и жгучий черный кофе на десерт.

– Ты как натянутая пружина, вот-вот сорвешься! – неожиданно успокаивающе погладив мою руку, улыбается хозяйка. – Что тебя гложет, Надюша?

– Не знаю, как это объяснить понятней... Я какая-то опустошенная. Рисковать своей жизнью я давно привыкла, дело не в этом, бывали задания и пострашнее. Но впервые я не знаю, ради чего был весь этот риск? – я пожала плечами.

– Как не знаешь? – удивилась Виктория Васильевна. – Преступники изобличены, казнены, не будь тебя, они бы уничтожили еще одну беззащитную русскую девушку.

– Но я так мечтала о свадьбе! Самой обычной, чисто русской, пусть не роскошной, но с белым платьем, машиной с лентами, женихом, на руках заносающим меня в дом... А что теперь?

– Твоя мечта сбудется, только и всего. Ты же завидная невеста. С таким капиталом перед тобой все женихи валяться будут. Штабелями. Так мы в детстве говорили о мальчишках, – улыбается прокурор, пуская кольцами дым от сигареты.

– Вика, у тебя сколько мужиков было? – хитро прищурилась я.

– Скажем корректно: много! – ускользнула от прямого ответа собеседница.

– Как первого звали, помнишь? – уточнила я.

– Николай. Такое не забывается до конца жизни, это же ясно, – нисколько не сомневалась в ответе Громова.

– Так и я первого мужа никогда не забуду. У Питера последнее желание перед казнью знаешь какое было? – подперев щеку руками, спросила я.

Хозяйка молча отрицательно покачала головой.

– Встретиться со мной. Питер прощения просил у меня, у родителей Лизы. Что-то дрогнуло в душе этого бандита, коль за несколько часов до казни он мне в любви объяснился, самой натуральной любви, без всяких там зомбирований со стороны психологов ФБР, – с недоумением в голосе прошептала я.

– А ты еще сомневаешься в своих способностях. Выходит, даже преступника смогла переломить.

– Преступника-то смогла, а вдруг никто не поймет, зачем это я замуж за преступника пошла? – продолжала я сомневаться.

– Так это от тебя зависит, кого в мужья подбирать, – назидательно произнесла Громова. – Есть кто на примете?

– Не хочу пока распространяться. Сглазить боюсь, – теперь вывернулась уже я. – Ты лучше расскажи, как дела у вас с Иринкой?

На несколько мгновений на кухне воцарилась тишина. Мы обе напряженно курили: одна ждала ответной откровенности, вторая, очевидно, размышляла, – а стоит ли откровенничать?

– У нас тоже все довольно сложно. Ты же помнишь, мы втроем договорились, пока Наташка Баева школу не закончит, внешне ничего не менять в наших отношениях с ее отцом. Но девочка за последний год сильно повзрослела, поступила в экономический университет, а незадолго до Нового года вышла замуж...

– За Игоря? – всплеснула я руками.

– За него самого, за Сорокина. Он как с первой встречи глаз на Наташку положил, так и не отпускал девчонку ни на шаг до самой свадьбы, – пояснила прокурор. – Завидная партия – Игорь получил-таки Звезду Героя России. Среди гостей на свадьбе сам губернатор был.

– Так вы до сих пор Баева и делите по очереди? – присвистнула я, покачав головой.

– Именно. Если бы не Иришка с Антошкой, я бы с ума сошла от такой полигамии. Мне иногда кажется, что Баеву хорошо только с Иринкой – она же ему в дочки годится, на восемнадцать лет младше, сладка ягода, да еще Антошка его родным оказался. А я так – бесплатное приложение, с которой можно из уважения раз в неделку перепихнуться, чтобы не ворчала, ведьма старая! – прокурор залпом хряпнула содержимое фужера.

– Ты зря так о себе! – попыталась я успокоить Громову. – Погляди в зеркало, любой молодой фору дашь!

– Проснусь, бывало, среди ночи, и думаю: случись что со мной, останется Женька с Иринкой или бросит? Как Марина к ней относиться станет? Сейчас она из-за меня вынуждена вид делать, будто все в порядке, все-таки я Баева от тюрьмы спасла вместе с тобой. Потом – она по-прежнему законная жена, а Иришка кто? Любовница по нашим законам. Полигамный брак никто не регистрирует, даже в Ингушетии. Так и промывается Ирка все лучшие годы! – досадливо махнула рукой хозяйка.

– У тебя отчего такие черные мысли? Или заболела чем? – пытаюсь я понять причину пессимизма прокурора.

– Да вроде здорова. Только работа у нас сама знаешь, какая, не в бирюльки играем! – Виктория выпустила очередную серию дымовых колец.

– Угрожал кто-нибудь? – уже откровенно интересуюсь я.

– Нет, просто на душе скверно. Хандра. Ни у тебя одной кошки скребут! – объясняет хозяйка.

– Ты попробуй, проведи эксперимент. Не звони Баеву несколько дней подряд. Только тогда поймешь, дорога ли ты сама ему лично, или действительно лишь бесплатное приложение к дочери-красавице, – рискнула я дать совет своей старшей подруге.

– А что? Отличная идея. Чем чаще ты плачешь, тем больше мужчина убеждается, что ты от него никуда не денешься! – Виктория Васильевна хлопнула ладошкой по крышке стола. Потом взглянула на часы, висевшие рядом со светильником. – Второй час ночи, засиделись мы с тобой. Я тебе в зале постелю. Завтра еще поболтаем, хорошо?!

Согласившись с хозяйкой, иду чистить зубы, смыть косметику на ночь. Когда минут через десять появилась в зале, диван стоял уже расправленным, постель пахла зимней свежестью, а Виктория Васильевна ждала меня, переодевшись в ночной пеньюар.

– Спим, пока не проснемся. Вернее, пока Антошка не поднимется. Надеюсь, раньше восьми этого не произойдет. Спокойной ночи, Надюша! – Дарья Михайловна совсем по-матерински погладила меня по голове.

Разомлев под теплым одеялом, я долго не могла заснуть. Как несправедливо устроен наш мир! Женщина, умница, отличный работник не может найти спутника жизни. И ведь не старая вовсе, замужние сверстницы еще как наставляют рога своим мужьям. Разве такого удела заслужила Виктория – делить одного мужика на троих? Полигамный гражданский брак, о котором мы с ней говорили на кухне, это по сути банальный любовный квадрат, три угла которого составляют три женщины инженера Баева – его законная жена Марина, прокурор Громова и ее дочь Ирина. Их женские судьбы пересеклись в одном из моих предыдущих дел – «Муж на час». Баев и был этим мужем на час у, у которого однажды на свидании умерла от сердечного приступа клиентка. В ходе расследования компетентные органы выяснили, что инфаркт спровоцировал яд, а, поскольку, ничьих «пальчиков», кроме Баевских, там не было оставлено, он и стал главным подозреваемым в деле об убийстве Ларисы Ивановны Галкиной. Так и засудили бы Баева по косвенным уликам, не окажись прокурор района влюбленной в него.

Узнав, что молоденький адвокат Баева, то есть я, не только адвокат, но и сыщик, Виктория Васильевна помогла мне выйти на след настоящих убийц. Вот и получается, что права Громова-старшая: их удивительная полигамная семья образовалась лишь благодаря этой случайности, в точном соответствии с русской пословицей «Нет худа без добра». Да собственно семья ли это? Мне приходилось читать в газетах про подобные семьи, всюю уже появляющиеся у нас в России. Помню случай, похожий на этот – один муж у матери и дочери, причем первой вышла замуж мать. Но там они постоянно были вместе, под одной крышей. А здесь? Марина просто терпит до поры до времени двух официальных любовниц своего мужа. Доказательства налицо – главное препятствие для обустройства пусть необычной, но все-таки семьи устранено – дочь Баева и Марины Наташа школу окончила и уже успела выйти замуж. Кажется, теперь три женщины должны объединиться, но нет, воз и ныне там. Воистину, прав Лев Толстой: каждая семья несчастна по-своему...

С такими невеселыми мыслями я погрузилась в тревожный, не приносящий отдыха сон. Что снится сыщику после опустошительной операции? Конечно же, кошмары: за мной гонялись какие-то скелеты с видеокамерами в руках – по всей вероятности, это все, что осталось от мужа и его подручного после подачи убойного напряжения на электрический стул. Один из скелетов все норовил схватить меня за руки и утащить в преисподнюю, а второй заснимал все это крупным планом. Потом в руках другого появился почему-то колокольчик, которым он стал прерывисто трезвонить над моим ухом:

– Дзинь, дзинь, дзинь!

От этого звона я проснулась. Тот же звук продолжался и наяву:

– Дзинь, дзинь, дзинь!

Тут только я сообразила, что звенит телефон. Видимо, из-за внука аппарат поставили не традиционно в коридор, а в зал, чтобы до детской не дошел даже приглушенный звонок

и не разбудил ненароком Антона. Делать нечего, придется подойти и послушать, кто это с утра рвется к нам на связь.

Глава вторая. Выстрелы на рассвете

Сняв трубку, рассерженно буркнула еще неизвестному мне собеседнику:

– Да! – поймав себя на мысли, что чуть было не произнесла по привычке «Да, Фомина!»

– Виктория Васильевна? – осведомился мужской голос.

– Нет, а кто спрашивает? – уточнила на всякий случай я.

– Ирина Ивановна, позовите, пожалуйста, маму! Это майор Утешев, дежурный Дзержинского РОВД! – представился собеседник.

Не став разочаровывать майора, что он не смог отличить голос незнакомки от голоса дочери прокурора, я, бросив традиционно «Минуточку!», отправилась будить Громову. Та проснулась достаточно тяжело, видимо, не отошла от изрядно выпитого вечером коньяка. Поняв, что я от нее хочу и чертыхнувшись, Дарья прошла вслед за мной в зал, предварительно закрыв за собой дверь, ведущую в коридор.

– Слушаю, Громова! – неожиданно трезвым и вполне командным тоном прокурор начала разговор. Несколько секунд она слушала молча доклад дежурного. Выражение ее лица менялось у меня на глазах – от полного безразличия, до удивления и ужаса.

– Кто, когда, во сколько? – задала она первый вопрос. Выслушав ответ, бросила фразу: – Машину выслал? – ответ, по всей вероятности, был утвердительным, поскольку прокурор закончила разговор обещанием: – Хорошо, через пятнадцать минут буду готова!

Положив трубку, Дарья Васильевна повернулась ко мне:

– В двух шагах от собственного дома нашли труп Алеши Сиротина. Ты его знаешь, это мой старший следователь, он вел дело о гибели Ларисы Сорокиной, по которому обвиняли Баева, помнишь?

Я лишь молча кивнула головой: печальный факт, чего тут скажешь?

– У Алешки двое детей осталось, пятнадцати и семи лет. Вот гады какие! Я их из-под земли достану! – сжав кулаки, хозяйка отправилась одеваться.

– Тебе кофе сделать? – участливо поинтересовалась я у Виктории.

– Я сделаю! – произнесла появившаяся на пороге материнской комнаты Иринка. – Опять что-нибудь стряслось?

– Сиротина убили, в двух шагах от собственного дома, – на ходу произнесла прокурор, натягивая брючный костюм.

– Эврику жалко! – выпалила Иринка, уходя на кухню.

– Какую эврику? – не поняла я.

– У Сиротина жена этническая гречанка по национальности, красавица писаная, Эврикой зовут. Эта она ему дочку с сыном подарила. Старшую Олимпиадой назвали, Олимпиада Алексеевна, представляешь? А младшего Одиссеем, еще чище, Одиссеем Алексеевич, – пояснила Виктория. – Да, недаром у меня эти дни паршивое настроение стояло...

Иринка внесла поднос с чашкой кофе и двумя бутербродами:

– Выпей быстренько и перекуси, минимум до обеда провозитесь!

Прокурор в темпе жевала батоны с сыром.

– Алексей у тебя какие-нибудь горячие дела вел в последнее время? – поинтересовалась дочь.

– Да массу, у нас все дела как на вулкане, холодных не бывает. Ладно, девочки, я побежала, если задержусь – позвоню! Антошка проснется – привет от бабули передай! – это уже «ценное указание» дочери.

Дог, думая, что хозяйка собралась выгуливать его, радостно устремился вслед за ней.

– Место, Граф! – грозно скомандовала Громова, и собака покорно поплелась в дальний угол коридора.

– Обожди, Граф! Сейчас посветлеет, я с тобой прогуляюсь! – пообещала Иринка.

На пороге, прежде чем захлопнуть дверь за собой, Громова обернулась и еще раз посмотрела на меня с Иринкой.

– Счастливо! – не сговариваясь, одновременно произнесли мы обе.

Хозяйка ушла, а дочка предложила пойти завтракать: ложиться уже не имело ровно никакого смысла. Мы отправились на кухню. В подъезде раздались два приглушенных хлопка. Почему-то заскулил и стал царапать входную дверь дог.

– Опять пацаны петарды взрывают! Сил моих уже нет никаких, месяц до нового года, месяц после все гремят и гремят! Не дай Бог Антошку разбудят! – сокрушалась Ирина. – Граф, фу, нельзя!

– Какие пацаны могут быть так рано?! – удивилась я, на всякий случай взглянув на часы, висевшие на кухне. – Шесть сорок три всего, в школы только через минут пятьдесят начнут ребятишки выходить...

Внутри я вдруг вся похолодела. Что если это не петарды?! Отчего волнуется собака?.. Кинулась в зал, как солдат, вскочивший по грозной команде старшины «Подъем!», стала нахлобучивать на себя одежду. В нормативную для меня минуту я уложились, схватила сумочку, в которой лежал верный «Макаров».

– Ты куда? – удивилась беспечная Ирина.

– Мальчишек усмирить. Заодно и с Графом погулять! – накидывая на плечи свою куртку, бросила я.

Граф выскочил впереди меня и понесся вниз по ступенькам лестницы. Раздался его оглушительный лай. Последний пролет я преодолевала, не соображая ничего: на полу ногами к дверному проему, ведущему на улицу, лежала на спине Виктория Васильевна Громова. Струйка крови стекала с крохотного отверстия во лбу. Из под длиннополой спортивной куртки показалось еще одно пятно крови. Так, радиционных два выстрела – первый, на поражение, в грудь, а второй, контрольный – в голову. Смерть мгновенная, Виктория уже не дышала. Я на всякий случай выскочила на улицу, но рядом с подъездом никого не было. Где же, черт подери, дежурная милицейская машина, которую выслали за прокурором? Что сегодня за напасть такая в Дзержинском районе, охота на прокуроров? Ведь вторая жертва за несколько часов. Что за дело или дела раскрутили в скромной райпрокуратуре, коль кто-то расправился сразу с двумя работниками?

Дог перестал лаять, посмотрел на меня прямо-таки человеческим взглядом и стал тихо поскуливать.

– Граф, охраняй! – подала я команду.

Как Иринке-то сказать? Медленно поднялась на второй этаж, позвонила. Ирина, еще ни о чем не подозревая, спросила беспечно:

– Ну, что, разобралась с пацанами!

– Ирина, идем в зал, мне надо позвонить! – попросила я.

– Звони, я-то при чем? – не поняла Ирина.

– Идем, идем! – потянула ее за собой. – Сядь и слушай! – Сняв трубку телефона, набрала с детства всем знакомый номер 02. – Милиция? Здравствуйте! Записывайте. Около шести часов сорока минут во втором подъезде дома номер 23 по улице Советской неизвестными лицами убита Громова Виктория Васильевна, прокурор Дзержинского района. Подруга, Фомина Надежда Александровна. Да, к телу никто не прикасался, место преступления охраняется. Я адвокат, порядок знаю... Хорошо, жду.

Положив трубку, взглянула на Иринку. Все лицо ее покраснело, губы еле шевелились:

– Ма-му... убили?! – Она встала с дивана и, держась за стенки, пошатываясь, пошла к выходу.

Я взяла ее под руку, у выхода накинула на плечи пальто. Спустившись вниз, она задрожала от рыданий:

– Мама, мамочка! – Ирина зашла в крике.

На шум начали распахиваться двери квартир первого этажа. Ирина все пыталась броситься на грудь трупa матери. Я еле удерживала ее – нельзя трогать вещественные доказательства до приезда опергруппы. Когда же они приедут, черт подери? Если на убийство райпрокурора едут так медленно, что же говорить о простых смертных?

– Это она маму убила, это она! – бессвязно причитала Ирина сквозь слезы.

– Кто она? – не поняла я.

– Марина... Она ненавидела нас с мамой из-за Женьки. Она убила маму, она!

Послышался скрип тормозов. В подъезд вбежало несколько человек в милицейской форме и в штатском. Граф начал оглушительно лаять и рычать на ментов.

– Уберите собаку! – попросил меня кто-то из оперативников. Но дог меня не слушался. Только Ирина, кое-как справившись со слезами, отвела Графа в квартиру.

Между тем к подъезду подъезжали все новые и новые автомашины – «Скорая помощь», передвижная криминалистическая лаборатория, еще какие-то с неизвестными мне номерами. Оперативники делали свою традиционную работу – в независимости от ранга жертвы она одинакова – осмотр места преступления, трупa, опрос свидетелей, снятие отпечатков, ежели таковые находились. Но только в случае с Громовой правоохранительных чинов становилось все больше и больше – появились прокурор города, заместитель областного – шеф областной прокуратуры в тот день находился в Москве, неулыбчивые парни из ФСБ.

Я стояла в подъезде, поддерживая Ирину, до тех пор, пока с трупом работали эксперты. Только когда труп положили в черный пластиковый мешок и загрузили в так называемую «труповозку» – специализированную машину «Скорой помощи», перевозящую трупы с места обнаружения в морг областного бюро судебно-медицинской экспертизы, Ирина согласилась подняться в квартиру. Следом прошло несколько человек в штатском. Один из них подошел ко мне:

– Майор Орлов Игорь Николаевич, старший следователь областного Управления ФСБ. Дело принято к совместному производству нами и областной прокуратурой. Мне надо допросить вас в качестве свидетеля. Пройдемте в зал!

– Хорошо, только позвоню родственникам, за Ириной сейчас нужен глаз да глаз! – согласилась я.

Пока я набирала номер Баевых, Орлов раскладывал на журнальном столике свои бумаги. В зал заглядывало несколько человек. Почти никого из них я не знала. Но от появления одного при всей своей выдержке я непроизвольно вздрогнула: в комнату заглянул живой и невредимый старший следователь райпрокуратуры Алексей Сиротин...

Ничего не понимаю. Вернее, теперь уже все понимаю. Два варианта: неизвестный преступник сделал ложный вызов в милицию. Те, ни в чем не сомневаясь, отправили по адресу Сиротина оперативную группу и в обязательном порядке подняли прокурора. Дальше – дело техники – подождать на выходе из подъезда, всадить две пули и скрыться. Вариант номер два. Не было никакого ложного вызова милиции. Преступник или его сообщник сразу позвонил на квартиру Громовой, представившись дежурным РОВД. Расчет до гениальности прост: услышав печальную новость о гибели одного из своих подчиненных, прокурор не выдержит и помчится по следу. Следовательно, из дома выйдет обязательно, ранним зимним субботним утром, когда прохожих почти нет: можно спокойно выстрелить и уйти безнаказанно. Но при обоих вариантах преступник со товарищами должен хорошо знать личный состав как прокуратуры, так и РОВД: фамилии сотрудников были названы подлинными. На мякине Викторину не проведешь. Точнее, нельзя было провести. Долго не смогу привыкнуть к прошедшему времени по отношению к Вике. Да, собственно говоря, чего я лезу в это дело? Пусть Орлов Игорь

Николаевич с коллегами прыть проявит, мне надо только выдать необходимые в таких случаях свидетельские показания... Наконец-то дозвонилась до Баевых.

– Марина? Фомина. Я у Громовых. Викторю убили час назад. Приезжайте сюда. Иришке надо помочь. Жду.

Положив трубку, села в кресло напротив следователя:

– Я готова дать показания!

– Надежда Александровна, давайте отбросим все формальности, ваши анкетные данные мне известны, квалификация тоже, что мне вас предупреждать об ответственности за дачу ложных показаний, коллега? – искренне улыбнулся майор. – Мы очень обрадовались, что вы невольно оказались свидетелем преступления. Нет, вы не так поняли, смерть Виктории Васильевны – страшная трагедия для всех, кто ее знал, но хорошо, хоть профи оказался рядом, может, удастся раскрыть по горячим следам...

Моя скептическая улыбка относительно раскрытия по горячим следам заказного убийства несколько смутила майора.

– Ладно, Игорь Николаевич, пишите...

Как во сне я рассказывала следователю известные мне факты, одновременно мучительно размышляя на подсознательном уровне над брошенными в состоянии аффекта словами Ирины: «Это Марина убила маму!» Неужели это правда, и за убийством грозного прокурора стоит элементарная ревность? Ах, Марина,

Марина...

– Спасибо, Надежда Александровна! Вы в эти дни остаетесь здесь? – поинтересовался майор, подавая мне на прочтение и подпись два листа протокола допроса.

– Очевидно, – просматривая заполненные четким, почти каллиграфическим почерком строки, подтвердила я.

– Вот мои телефоны на всякий случай, служебный и домашний, – следователь протянул визитку. – Подъезд и квартира взяты под круглосуточную охрану ребятами из местного РОВД...

– Раньше надо было охранять! – зло бросила я.

– Согласен, но это не мое упущение, – оправдался майор.

«Что верно, то верно», – подумала я про себя, а вслух извинилась перед ФСБшником.

– Все понятно, Надя, нервы, и у меня бы сдали, коль почти на ваших глазах убивают подругу, – следователь ободряюще улыбнулся – Крепитесь, вам за Ириной Ивановной надо присматривать эти дни. Да, чуть не забыл, Надежда Александровна, – перескакивая с дружеского обращения по имени на официальное по имени и отчеству, майор обратился ко мне. – Вы были приятельницей покойной, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь! – подтвердила я, еще не понимая, куда клонит ФСБшник.

– Вы кого-нибудь подозреваете в убийстве Виктории Васильевны? – следователь пристально посмотрел мне в глаза.

«Я не наивная практикантка, чтобы просто так сдать тебе готовую версию!» – подумала я. К тому же, поделись я подозрениями дочери в отношении Марины Баевой, волей-неволей пришлось бы рассказывать спецслужбам о необычном характере брачно-семейных отношений убитой. Это означало пачкать ее имя, бросать тень на Ирину. Сделав вид, что я обдумываю ответ, усмехнулась:

– Вы хотите отработать версию о бытовой почве убийства? Насколько мне известно, Виктория Васильевна в последние несколько лет всю себя отдавала только работе и помощи дочери с внуком.

– Она же еще далеко не старая женщина, – пытался направить разговор в нужное ему русло Орлов.

– Она однолюбка по характеру. Рассказывала, что не могла забыть своего Ванечку Громова. Все смеялась, что даже фамилии менять не пришлось, их на юрфаке поначалу все считали братом и сестрой, ведь ее девичья фамилия тоже Громова. Она берегла память о муже, поэтому была равнодушна к любовным приключениям, – пояснила я.

– Или умело скрывала их даже от подруг! – сделал глубокомысленный вывод майор.

– Надеюсь, у вас хватит такта не спрашивать про это дочку, да еще сегодня? – с явным вызовом в голосе поинтересовалась я.

– Безусловно, – подтвердил Орлов. – Но вы же понимаете лучше других, мы обязаны проверить все версии...

Квартира между тем начала наполняться людьми – приезжали сотрудники прокуратуры Дзержинского района, которой командовала почти полтора десятка лет Михайлова, руководящие чины районной администрации, РОВД. Распоряжением главы администрации была срочно создана комиссия по организации похорон погибшего прокурора. Чиновники дружно взялись за работу. К обеду примчался младший брат покойной – Сергей Васильевич с семьей. Теперь можно было не беспокоиться за Ирину и Антона, они – под надежным присмотром родных. Я уже собралась домой, но на пороге показалась знакомая фигура.

Вот и желтая пресса пожаловала! Наш общий приятель Алексей Писарев, заведующий отделом криминальной хроники «Губернских ведомостей», человек-компьютер, в памяти которого сохранялась масса интереснейших данных на всех мало-мальски известных представителей криминального бомонда, теневой экономики, властных структур, словом, Пименов не оставлял без своего журналистского внимания ни власти, ни андеграунд. Его хлесткие статьи заставляли вздрагивать и высокопоставленных чинов областного правительства, и воров в законе. Самое удивительное заключалось в том, что обе стороны уважали Писарева и прибежали к его помощи в нужных для себя случаях.

– Здорово! – журналист приобнял меня, чмокнул в щеку – после того, как однажды мы побывали с ним вместе под огнем снайпера на кладбище, относиться друг к другу стали как брат с сестрой. – Я слышал, ты была рядом последние несколько часов. Мне нужно эксклюзивное интервью с тобой.

– Хорошо, пойду только попрощаюсь с Ириной, – согласилась я.

Дочка прокурора, накачанная успокоительными, уже не редела. Ее движения стали вялыми, как в замедленной съемке.

– С тобой все в порядке? – спросила я, держа Ирину за руку.

– Со мной – да. Тетя Люба, жена дяди, врач, она мне вколола какую-то гадость. Но я все помню. Надя, ты докажешь вину Марины? – упрямо подтвердила свое утреннее предположение девушка.

– Я постараюсь сделать все возможное, чтобы объективно ответить на вопрос, виновата Баева или нет! – пообещала я.

– Ты хочешь уйти? – догадалась Ирина.

– Да, мне нужно работать, – очень честно ответила я.

Апатия, в которой я пребывала все последнее время, вмиг исчезла. Вновь окунувшись в привычную среду погони за преступником, я снова почувствовала свою нужность: без материнской опеки осталась беззащитная девушка, нуждающаяся в моей помощи. Марина или не Марина, но кто-то ведь расстрелял в упор прокурора, не успевшую даже выхватить табельное оружие. Найти преступника – моя задача.

– Хоронить, говорят, будут во вторник. Но ты придешь еще до похорон? – Ирина обняла меня.

– Обязательно. И завтра, и в понедельник. Если вдруг что-то непредвиденное – звони! – наказала я и вышла в коридор, где меня терпеливо дожидался все это время Писарев.

– Ты на машине? – поинтересовалась я.

– Конечно. А ты разве без своей? – удивился журналист.

– Мы же собрались кутить весь уикенд, поэтому вчера я добралась сюда на попутной тачке, – пояснила я.

– Куда поедем? – спросил Алексей, усаживаясь в свой темно-синий БМВ.

– Если честно, я очень голодная! – призналась я. – Даже позавтракать не успела. Тут есть рядышком что-нибудь приличное?

– Едем в «Ностальжи»! – предложил Писарев, включая зажигание, а я непроизвольно вздрогнула. – Что-нибудь не так? – участливо улыбнулся журналист.

– «Ностальжи» – любимый ресторанчик Вики, – пояснила я.

– Не знал, – признался Алексей. – Тогда сам Бог велел помянуть ее там.

В ресторане мы удобно устроились за столиком в дальнем углу. Когда официант принес заказ – отбивные с фасолевым гарниром плюс куча салатов, мы с жадностью накинулись на содержимое тарелок – Писарев позавтракать успел, его источник в ГУВД сообщил о гибели Громовой около восьми утра, но с тех пор во рту журналиста не было ни крошки. Хотя габариты Писарева были отнюдь не богатырские, отсутствием аппетита этот щуплый очкарик, похожий скорее на научное обозревателя, чем на репортера криминальной хроники, явно не страдал.

Выпив, не чокаясь, за помин души Виктории Васильевны, мы начали наш вполне профессиональный разговор: репортер криминальной хроники – тот же сыщик, недаром существует жанр журналистского расследования. Правда, в паре с Писаревым я еще ни разу не работала, но лиха беда начало?

– Ты веришь, что убийство Громовой раскроют по горячим следам? – поинтересовалась я мнением «акулы пера».

– Мы с тобой не братья Grimm, чтобы в сказки верить. На моей памяти еще ни одно заказное убийство за несколько часов не раскрывалось. Так что не стоит беспокоиться, что, пока мы с тобой утоляем голод в «Ностальжи», майор Орлов с компанией найдет киллера и выколотит из того признательные показания, – заверил меня журналист.

– Леша, а тот факт, что дело возбудила областная прокуратура, а следствие взяли на себя чекисты, не может говорить о том, что областное начальство пытается спрятать концы в воду? – предположила я.

– Ты стала подозрительней хуже меня, – невзирая на трагизм ситуации, улыбнулся Писарев. – Ничего необычного в этом нет. УФСБ едино по области и городу...

– Но прокуратуры-то разные! – продолжала возражать я.

– Ты склонна не доверять коллегам-чекистам? – удивился репортер.

– Ты понимаешь, Иринка осталась совершенно беспомощной, это дочка Вики, – пояснила я, а Писарев утвердительно кивнул головой, дескать, знаю. – Если ее предположение относительно убийцы или, по крайней мере, заказчика убийства, верно, то и ее собственная жизнь в опасности. Мне же Иринку надо уберечь во что бы то ни стало, хотя бы в память о матери.

– Шарше ля фам? – сразу в точку попал журналист.

– Как ни удивительно, но ты прав! – подтвердила я.

– Что тут удивительного? – пожал плечами репортер. – Баба, она и прокурор баба. Отбила у кого-нибудь мужика, а ревнивая жена рассчиталась. Дело житейское.

– Ну, и вульгарный же ты, я, выходит, тоже баба? – возмутилась я.

– Все мы мужики да бабы, и ничего, кроме секса, нами в этой жизни не движет, – стоял на своем журналист. – Хотя, не стоит заикливаться на одной версии. Проведем мозговую атаку на предмет выяснения вопроса, кому помешала прокурор Громова.

– Но для этого нам с тобой надо знать, какие дела расследовались в ее прокуратуре последними, – предположила я.

– Или до сих пор находятся в производстве. Возможно, они наехали на кого-то слишком крутого. Тот посчитал, что проще или дешевле расправиться с прокуроршей, чем рисковать,

подкупая ее. Кстати, ты не знаешь, Виктория брала взятки? Чего ты возмущаешься? Покажи мне неподкупного прокурора или мента, я им памятник из бронзы отгрохаю! По нашим временам это клевый памятник! – не смущаясь, наступал журналист.

– Ты хочешь взяться за это дело? – наливая себе коньяк, уточнила я.

– Хочу, чтобы мы вместе за него взялись. Тебе все равно нужны помощники, одной с такой грудой не справиться. Так что надо заключить трудовое соглашение, – рука журналиста потянулась за отставленной мною бутылкой.

– Нет, тебе одной поминальной рюмки хватит, домой еще меня повезешь, жить хочу, а не быть похороненной по соседству с Викой, – успела перехватить его руку и передвинула бутылку подальше от него. – Помощники-пьяницы мне не нужны.

– Ладно, с последним аргументом я, пожалуй, соглашусь! – не стал возражать Писарев, наливая себе в фужер минеральной воды.

Сообща мы прокрутили в тот вечер все возможные и невозможные сценарии убийства. На территории Дзержинского района располагались ключевые учреждения – резиденция губернатора, областное правительство, городская мэрия, УФСБ и УВД, ГУВД, несколько банков, крупных торговых центров, Крытый рынок, словом, поле деятельности для райпрокуратуры обширное. Громова или кто-то из ее подчиненных вполне могли замахнуться и на кого-то из сильных мира сего. По свидетельству очевидцев, к примеру, к кабинету нашего Говоруна – так народ окрестил губернатора родимой области за его слишком частое мелькание на экранах всех общероссийских телеканалов – примыкает милый зимний сад с фонтаном – по размеру нечто среднее между баскетбольной площадкой и футбольным полем. Там между пальм притаился скромный аквариум с всамделишными пираньями, а по цепи кругом ходят вовсе не коты ученые, а семеро бурых медведей.

У одного из заместителей Говоруна на рабочем столе огромный экран – для прямой связи с помощником. Когда тот звонит по обычному телефону, шеф жутко сердится: «Что ты звонишь, как лох?! Пользуйся видеосвязью!» По отношению к видео у этого областного начальника свой пунктик – в кабинете есть еще и плазменный телевизор стоимостью не менее двадцати тысяч баксов. Так что эта версия имеет право на существование.

Не надо упускать и месть кого-то из бывших подопечных прокурора – стоит поинтересоваться героями процессов, на которых Громова выступала государственным обвинителем. Придется копнуть громадный пласт, но, как говаривал еще Владимир Владимирович, который Маяковский, ради грамма радия стоит перелопатить тонну руды. Вполне вероятна такая ситуация: из мест не столь отдаленных освобожден кто-то из осужденных по достаточно суровому приговору. Бывший зэк затаил обиду на прокурора, выследил, где и с кем она живет, запомнил распорядок дня, а затем устроил дьявольскую по своей задумке игру. Уже однажды побывав под судом и следствием, новоявленный киллер хорошо усвоил правила конспирации, не наследил с отпечатками – дверь подъезда Громова открывала сама изнутри, заранее позаботился о путях отхода – тех двух-трех минут, пока я сообразила, что за странные хлопки с утра пораньше звучат в подъезде и спустилась вниз, ему вполне хватило для исчезновения.

Таким образом, вполне вероятны три версии случившегося: один из фигурантов по ныне находящемуся в производстве или только что переданному в суд делу; освободившийся из заключения бывший «подопечный»; наконец, кто-то из женщин, не поделивших с Громовой одного мужчину. Мне было известно только об одном мужчине, Баеве, но у прокурора за ее жизнь могли вполне быть и другие контакты.

Остановившись на этих трех версиях, мы с Писаревым договорились действовать сообща. В воскресенье я решила отправиться снова к Ирине, потолкаться там – будет много народа, стоит послушать разговоры сослуживцев, знакомых, друзей, любая мелочь может натолкнуть на тайну двух выстрелов. В понедельник я запланировала встретиться с Сиротинным, следователем прокуратуры Михайловой, попросить его помочь по первым двум версиям.

Пименов обещал по своим каналам связаться в эти дни с судейскими, со службой надзора за освободившимися из мест лишения свободы, словом, каждый шел своим путем, договорившись встречаться ежевечерне для координации действий.

Версию о ревнивой женщине я оставила за собой, объяснив журналисту, что Ирина как дочь может что-то знать об увлечениях матери, но раскрыться сможет только мне. Понимая это, журналист особо и не возражал. Наш поздний обед или ранний ужин закончился, когда на улицы уже опустилась ранняя январская вечерняя мгла. Писарев отвез меня домой, галантно проводив до самой двери моей квартиры – «Не хочу больше терять сегодня еще одного друга», – объяснил Алексей. Чтобы не обидеть хрупкого корреспондента, я не стала язвить по этому поводу, а только поблагодарила его и молча чмокнула в щеку.

– И только? – вопросительно посмотрел Алексей на меня.

– Пока да. Но ты не теряй надежду! – заверила я моего провожатого.

Глава третья. Разброд и шатанье

Зайдя в свое убежище (мой дом – моя крепость, англичане правы!), я устало опустилась в кресло в зале. События последних суток вымотали меня. Сначала задушевная беседа с женщиной, которая меня понимает, а потом – эта страшная трагедия. Могла ли я предотвратить убийство или задержать преступника на месте? Нет, вряд ли. Уж больно четкий был расчет негодяя: ошеломить прокурора, притупить ее бдительность, выманить на улицу ранним утром и там прикончить ее. Что преступление совершено чуть ли не на моих глазах – скорее всего обыкновенная случайность. Не думаю, что это – открытый вызов мне лично. Была такая шоколадная конфета в пору моего детства – «А ну-ка, отними!» называлась, вкусная очень. Так и здесь что ли, «Попробуй, поймай!»? Но, хотя преступник явно не предполагал (пусть и сейчас не думает!), что в момент совершения убийства в квартире помимо дочери и внука находился еще кто-то, тем не менее, я там была, и вызов, сознательный или бессознательный, принимаю.

Переодевшись в домашний халатик, я поставила на плиту чайник, заварила себе крепкий кофе, села в зале грызть свои любимые овсяные печенья, пить кофе и рассуждать. Кстати, перед началом анализа неплохо бы послушать, как подают это убийство местные телеканалы. Включила «Обозрение» – субботнюю информационно-аналитическую программу областного телевидения. Передача сверстана как обычно – официальная хроника, рабочая неделя губернатора, новости экономики, культура и только перед спортом и погодой на предстоящую неделю криминальные вести:

– Сегодня между шестью и семью часами утра в подъезде своего дома номер 23 по улице Советской двумя выстрелами из пистолета «Макарова» убита прокурор Дзержинского района областного центра Виктория Громова. Опытный юрист, она уже в течение почти пятнадцати лет возглавляла прокуратуру ключевого района, на территории которого находятся почти все областные органы власти и управления, сосредоточены многочисленные коммерческие банки и торговые предприятия. Заказной характер убийства не вызывает сомнений – остались не тронутыми сумочка прокурора с табельным оружием, кошелек с деньгами, ключи от сейфа. Преступника не интересовала и квартира прокурора, в которой оставались дочь и внук погибшей. Областная прокуратура возбудила уголовное дело по статье 105 УК РФ – «Убийство». Для расследования преступления создана совместная бригада областной прокуратуры, УФСБ и УВД области, куда вошли лучшие следователи и оперативные работники. От обширных комментариев сотрудники правоохранительных органов пока воздерживаются, но, как стало известно нашему корреспонденту Илье Фокину из достоверных источников, рассматриваются несколько версий, в том числе по мотивам, связанным как с профессиональной деятельностью прокурора, так и с ее личной жизнью.

Похороны Виктории Васильевны Громовой состоятся во вторник на Центральном кладбище областного центра. Правоохранительные органы просят всех, кто располагает любыми сведениями о об этом дерзком преступлении, обращаться по телефонам, номера которых вы видите на своих экранах, или традиционному милицейскому номеру 02. Анонимность и солидное денежное вознаграждение за достоверную информацию гарантируются.

По ходу сообщения шел обширный видеоряд – дом, в котором жила Вика, оперативные машины у ее подъезда, эксперты и оперативники, черный пластиковый мешок на носилках, исчезающий в чреве труповозки, два кровавых пятна на полу подъезда, алые гвоздики, которые кто-то успел уже бросить на очерченные мелом контуры тела погибшей.

Так, пистолет Макарова. Интересно, выстрелы ведь были приглушенными. Хотя народные умельцы могут сделать глушитель к чему угодно, хоть к автомату Калашникова. Выходит, Орлов с компанией не оставили бытовую версию... Я не успела поразмыслить над позицией официальных следователей – кто-то позвонил в квартиру. Положив на всякий случай свой

пистолет в карман халата, пошла открывать незванному гостю. На пороге в одном костюме стоял Евгений Баев – очевидно, они с Мариной уже вернулись от Громовы.

– Можно, Надя? – вопросительно посмотрел на меня мой сосед с третьего этажа.

– Не мерзнуть же вам в коридоре, заходите! – жестом руки я махнула в сторону своей квартиры. Закрыв за Баевым две двери, я на его глазах вынула пистолет из халата и положила в свою сумочку. – Кофе хотите?

– Не откажусь! – не стал ломаться сосед.

Приготовив свежий кофе, я села по другую сторону журнального столика и приготовилась слушать инженера. Тот, отпив полчашечки и собравшись с мыслями, перешел к сути дела:

– Надя, вы в прошлом году вместе с Викой спасли меня от верного срока, теперь я прошу тебя, спаси Марину!

– От чего? – прикинулась я «шлангом» – так современная молодежь называет всех, кто ничего не соображает в любом вопросе.

– Иринку я, конечно, понимаю, горе страшное, мать убили, она одна на свете осталась. Но зачем обвинять Марину в случившемся? Во вторник похороны, в среду Ирину наверняка на допрос вызовут. Там она следователям ляпнет про наши взаимоотношения, так они мертвой хваткой уцепятся и Марину загребут. Поможешь, Надя? – волновался Баев.

Я молчала, прокручивая в уме все ходы. Евгений Николаевич по-своему оценил причину моей паузы:

– О гонораре не беспокойся, у меня деньги есть.

– Меня деньги не интересуют. Дело в принципе – надо найти того, кто чуть ли не на моих глазах уложил Дашу. Хорошо, что зашли – завтра с утра все равно бы спустилась к вам на разговор. Зачем откладывать в долгий ящик, давайте побеседуем сейчас. Вы считаете, ваша жена не могла убить или заказать убийство Виктории Васильевны? – начала я трудный разговор с Баевым.

– Мы прожили вместе двадцать лет. За это время она курицу не зарезала, а ты говоришь человека! – махнул рукой сосед.

– Во-первых, это утверждаю не я, а дочь убитой. Во-вторых, Женя, давайте прикинем. Как вы сами предполагаете, через несколько дней следственная бригада допросит Ирину Громову и та наверняка расскажет о неформальных отношениях, установившихся между вами и тремя женщинами, так? – я пристально посмотрела в глаза инженера.

– Однозначно, – согласился тот.

– В языке Уголовного Кодекса нет никаких полигамных браков, есть элементарная вещь: муж изменяет законной жене с двумя любовницами, причем жена знает об их существовании. О каком браке может идти речь, коль все три женщины не живут с вами под одной крышей и не ведут общего хозяйства? Марина была воспитана по старым канонам моногамного брака, поэтому, как любая женщина, она даже на подсознательном уровне должна люто ненавидеть своих соперниц. Вот вам вполне реальный мотив убийства для любого следователя: ревность. Таким образом, если Ирина поделится со следователем о ваших взаимоотношениях, Марина вполне реально становится подозреваемой номер один! – развела я руками.

– Из-за ревности Марина должна была убить скорее всего дочь, а не мать! – совершенно спокойно возразил мне Гаев.

– Почему? – вырвалось у меня.

– Очень просто. Виктория старше самой Марины и через несколько лет стала бы мне неинтересна как женщина. Другое дело Иринка – молода, красива, мать моего ребенка (для тех, кто не читал «Мужа на час» – Ирина Громова в первом браке воспользовалась оплодотворением донорской спермой, родила сына Антошку. Ее первый брак все равно распался, а когда Баев познакомился с семьей прокурора Громовой, обратил внимание на то, как похож на него пятилетний мальчишка. Евгений честно признался Ирине, что несколько лет назад подраба-

тывал донором в областном центре репродукции семьи. Они решились на анализ ДНК Антона, подтвердивший факт отцовства Баева) – предположил Евгений.

– Может, из-за ребенка Марина и не стала стрелять в Ирину? Потом, убийство прокурора всегда легко списать на его профессиональную деятельность, а на что спишешь смерть молодой и красивой женщины? – рассуждала я. – Кстати, никто не гарантирует, что Ирина в безопасности. Если убийца – действительно Марина, она может не остановиться на достигнутом. Вдруг она просто просчитала свои действия на несколько ходов вперед? Первой жертвой стала Громова-старшая, ибо наоборот – она вывернулась бы наизнанку, но нашла убийцу дочери, не так ли? Старшую застрелили, а младшую можно просто отравить, вы же сами помните свое дело, Ларису Ивановну отравили ядом, вызывавшим обширный инфаркт. Прошло бы с полгода, и Ирина умерла бы от инфаркта. Антон так или иначе остался бы с вами, как ваш родной сын. Марина с удовольствием его воспитает, – неожиданно для самой себя выстроила я довольно интересную версию.

– Так ты Марину тоже подозреваешь? – глухо спросил Баев.

– По роду деятельности я всех подозреваю. Вас, к примеру...

– Меня? – изумленно произнес сосед.

– Чему вы так удивляетесь? – язвительно усмехнулась я. – У вас самого масса мотивов для убийства старшей Громовой. Хотите докажу?

– Валяй! – вяло махнул рукой инженер.

– Вы безнадежно запутались в трех соснах, то бишь, трех женщинах. Равновесие, установившееся в ваших отношениях с ними, оказалось временным. Громова-старшая терпела соперниц исключительно ради дочери, младшая не возникала, так как чувствовала вашу расположенность к ней, самой молодой из подруг. Остается законная жена, которая, вероятно, начала качать свои права и требовать прекратить отношения с остальными. Тогда в вашей голове возник смелый план. Вы убиваете Викторию, подставив следствию свою супругу. Подставляете не сами, а элегантно, руками Ирины, которая как любящая вас женщина никогда не заподозрит вас, но легко – вашу супругу. Дальше остается дело техники, как любил говаривать один мой клиент. Подкинуть орудие убийства супруге, не подтвердить ее алиби, да мало ли что можно придумать. В результате Марину осуждают минимум на шесть лет. Этот срок дает вам право на автоматический развод с супругой и спокойную регистрацию нового брака с Ириной Ивановной. Вполне вероятен и ваш предварительный сговор с нею – недаром Ирина с самого первого момента начала твердить о причастности Марины к убийству матери! – от волнения я начала щелкать костяшками пальцев: версия рождалась на ходу, произвольно, но Баев покраснел от моих слов! Черт подери, неужели Ирина знала о предстоящем убийстве матери?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.